

УДК: 378.7(075)

DOI: 10.25629/НС.2023.06.16

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫКОВАЯ СРЕДА

Позднякова А.А., Кузнецова Г.В.

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина

АННОТАЦИЯ

Развитие языковой среды не происходит спонтанно. Оно обусловлено целым рядом факторов, к которым относится и политика государства, реализуемая во всех сферах общественной жизни. В каждой стране, в которой наблюдается этническое и языковое многообразие, политика государства является инструментом консолидации общества, с одной стороны, и лоббированием интересов, связанных с вопросами национальной, этнической безопасности, с другой. Влияние политических факторов на языковую ситуацию не остается неизменным, оно зависит от целей, стоящих перед обществом на конкретном этапе, и отражает направления его исторического развития. В связи с той непростой ситуацией, в которой сейчас оказался русский язык, важно принять все меры к сохранению русской языковой среды как базовой ценности общества. Этой задаче в большей степени отвечает система образования, являющаяся инструментом трансляции культурно-исторического опыта русского народа. Привлечение иностранных студентов к системе российского образования крайне актуально в сложившейся ситуации и возможно лишь путем интеграции иностранного контингента в русскоязычную образовательную среду.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

языковая среда, политический контекст, адаптация, иностранные студенты.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема увеличения в российском обществе числа иностранных студентов из других стран, прежде всего из бывших советских республик Средней Азии и Кавказа, в последнее время становится все более актуальной.

По данным Минобрнауки, общее число иностранных студентов, получающих высшее образование в России, выросло за последние три года более чем на 26 тысяч человек: в 2019 году в России обучалось 298 тысяч иностранных студентов, в 2020 году – 315 тысяч, в 2021 году – 324 тысячи. В 2021 году Россия заняла пятое место в мире по числу иностранных студентов [05.06.2022, РИА Новости]. Привлекательность российского образования обеспечивается такими факторами, как увеличение количества образовательных организаций, принимающих на обучение иностранцев, расширение спектра образовательных программ бакалавриата и магистратуры, обеспечение комфортной среды обучения [1, с. 9–11]. «За высшим образованием в Российскую Федерацию приезжают студенты из Казахстана – 61 тысяча студентов, Узбекистана – 48,7 тысячи студентов, Китая – 32,6 тысячи студентов, Туркмении – 30,6 тысячи студентов, Таджикистана – 23,1 тысячи студентов, Индии – 16,7 тысячи студентов, Египта – 12,4 тысячи студентов, Белоруссии – 10,2 тысячи студентов, Украины – 9,1 тысячи студентов и Киргизии – 8,6 тысячи студентов» [05.06.2022, РИА Новости].

Очевидно, политическая ситуация определенным образом влияет на языковую среду, в том числе и в странах, из которых приезжают иностранные студенты, особенно если речь идет о странах бывшего СССР или странах бывшего соцлагеря. Взаимодействие языковой среды и языковой политики – это целый спектр вопросов, решение которых носит системный характер и ориентировано на интеграцию усилий представителей не одной, а нескольких наук (социолингвистики, этнографии, культурологии, лингводидактики).

Под языковой средой мы вслед за Ю.П. Похолковым и Л.Н. Горяновой понимаем «комплекс условий и мероприятий, обеспечивающих непрерывное функционирование единого коммуникативного пространства, в котором все его участники способны без затруднений использовать соответствующий язык для реализации различных видов деятельности и решения коммуникативных задач» [2, с. 130]. Авторы обосновывают определяющее значение языковой среды для самоидентификации личности и ее интеграции в культурно-образовательное пространство.

Целью данного исследования является теоретический анализ проблем языковой среды, функционирующей в период кризисных для общества ситуаций. В качестве задач исследования мы видим: 1) выявление проблем, выступающих следствием проводимой мультиязычной языковой политики, 2) выявление внутренних и внешних коммуникационных потребностей общества в соответствии с социолингвистической реальностью, 3) оценка потенциала языковой среды как инструмента самоидентификации и социализации личности.

Для достижения цели и решения поставленных задач нами осуществлен анализ литературы по различным аспектам языковой политики, а также по вопросам коммуникации в условиях меняющейся языковой среды.

В основной части исследования устанавливаются факторы, влияющие на изменение языковой политики, а также обобщаются собранные и проанализированные данные. В ходе анализа основное внимание уделяется: 1) оценке роли политических факторов в формировании языковой среды; 2) процессам институционализации языковой политики; 3) локальным аспектам международной мультиязычной политики, таким как языковое планирование, языковое обустройство, понимаемое как «совокупность практических мер воздействия на функциональную сторону языка» [3, с. 147], культурно-языковая сегрегация. Оценка результатов исследований осуществляется с позиции взаимодействия языковой политики разных уровней и одновременной локализации мультиязычной политики нашей страны, а также с учетом «фактора влияния» – того, как языковая политика отдельных стран влияет на языковую среду конкретной страны.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Стоит сразу отметить, что данное исследование является междисциплинарным по своей сути и базируется, как мы указывали выше, на данных смежных наук: социолингвистики, этнографии, культурологии, социальной педагогики, лингводидактики.

Анализируя литературу по теме исследования, мы особо выделили работы, рассматривающие:

1) общие проблемы языковой политики государств (Ricento & Hornberger, 1996 [4]; Hornberger & Johnson, 2007 [5]; Spotti et al., 2019 [6]);

2) явления, связанные с миграционными процессами, влияющими на языковую среду (McQuillan & Tse, 1995 [7]; Morales & Hanson, 2005 [8]; Pozdnyakova, Nikitaeva et al. 2022 [9]);

3) явления «трудовой интеркультуры» (Gonçalves & Schluter, 2017 [10]; Kraft, 2019, 2020 [11; 12]; Pozdnyakova, Markova et al. 2022 [13]);

4) деятельность общественных (как российских, так и международных) организаций, привлеченных к сохранению языковой среды (McEntee-Atalianis, 2016; 2017 [14; 15]; McEntee-Atalianis & Vessey, 2020 [16]; Garrido, 2020 [17]; Zhao et al., 2022 [18]).

Несмотря на существенное угасание идеи глобализации, принесшей с собой большую мобильность людей, универсализацию и унификацию многих «языковых опций» [19], современная политическая ситуация во многом опирается на глобальные идеи: активные миграционные процессы и многоязычие остаются фактами нашей жизни [20], и внимание к этим процессам на каждом этапе общественного развития только усиливается [6]. Внутренняя сложность и многовекторность социальных процессов стимулирует определенные зоны языковой политики, связанные с удовлетворением потребностей в коммуникации отдельных групп общества, и способствует формированию различных языковых сценариев. Технологии их реализации

нацелены на достижение результата, синергически усиливающего эффект межъязыкового взаимодействия. Н. Дж. Олбери в одной из своих работ отмечает: «Language policies are born amidst the complex interplay of social, cultural, religious and political forces» [21, p. 355]. Исследователь, опираясь на идеи философа и социолингвиста Бернарда Спольски (Spolsky, 2004, 2007 [22; 23]), анализирует проблемы национальной языковой политики, объясняя ее эффективность или неэффективность взаимодействием четырех составляющих: 1) национальной идеологии, 2) национального языка, 3) социолингвистической ситуации в стране и 4) учетом предпочтений языковых меньшинств.

Национальная идеология, по мнению Б. Спольски, относится к сфере коллективного бессознательного и проявляется в языковой политике. В качестве примера исследователь приводит североафриканские страны, где постколониальная арабизация ввела арабский язык в качестве официального языка, а законы ислама стали частью национальной и культурной самобытности [22]. Подобное можно наблюдать и в отношении идей «Русского мира». Российская империя и её исторический наследник СССР сделали русский язык универсальным языком культуры, науки, межнационального общения для народов, населяющих огромную евразийскую державу. Через русский язык многие народы приобщились к мировым языкам и культурам. И, очевидно, тенденция к появлению в мире неких «общих» языков будет сохраняться и далее. Однако функционирование общих языков и подавление национальных – это разные вещи, которые в последние десятилетия странным образом перестали восприниматься как антагонистичные.

Роль национального языка в исследованиях многих авторов (Spolsky, 2004 [22]; Harzing et al., 2013 [24]; Albury, 2015 [21]; Brannen et al., 2017 [25]) оценивается в аспекте «глобального влияния английского языка», который рассматривается как язык «индексирующий космополитическую социальную и экономическую мобильность» [22, p. 220]. Однако нельзя не признать, что идеи космополитизма во многих странах в современных условиях затмеваются необходимостью сохранить собственную идентичность, которая оказалась на грани распада. Политический дискурс в Нидерландах, Германии, Франции демонстрирует тлеющую тревогу по поводу довлеющего влияния английского языка и постепенной маргинализации языков родных (Albury, 2015 [21]; Phillipson, 2003 [26]; Нещименко, 2006 [27]; Трошина, 2015 [28]; Михальченко, 2015 [29]; Яковлева, 2017 [30]). В этом смысле связь между политическим влиянием на общество и состоянием языковой среды становится вполне очевидной. Приведём цитату из статьи Л.И. Цирлиной «Глобализация и лингвистика: вавилонское столпотворение или «язык-киллер»?»: «Язык становится глобальным не благодаря своим особым структурным свойствам, или лексическому объёму, или великой литературе, культуре, религии, созданной на нём в прошлом. Все эти факторы могут лишь мотивировать кого-то освоить данный язык, но ни в отдельности, ни в совокупности они не в состоянии привести к всеобщему распространению такого языка. Язык становится международным по одной основной причине: политическое влияние его носителей» [31]. Об этом мы писали в более ранних работах [19]. С этим трудно не согласиться и сейчас.

Социолингвистическая ситуация обуславливается, по мнению Б. Спольски (2004), целым рядом факторов, среди которых: 1) количество и специфика взаимодействующих языков, 2) количество и состав носителей каждого языка, 3) коммуникативная ценность каждого языка: “the communicative value of each language both inside and outside the community being studied” [22, с. 219]. Это касается не только «фактической социолингвистической обстановки, но и субъективных представлений о важности конкретных языков» [21, с. 357]. Однако исследователи отмечают, что установившийся социолингвистический баланс не всегда обусловлен естественным ходом истории – во многих случаях он является «результатом политических процессов и идеологий формирования государства» [32, с. 15]. Результатом такого развития становится функционирование «зон потенциальных конфликтов», когда меньшинства потенциально готовы вступить в противоречие с «социолингвистическими договоренностями». Причина этого – в особой роли языка в структуре национальной идентичности. Зарубежные ученые позиционируют язык как элемент прав человека, призывая государства каким-либо об-

разом предоставлять языковые права своим меньшинствам: предоставлять среднее образование на языке меньшинств, не препятствовать бытовому употреблению и под. (Phillipson, 2003 [26]; Spolsky, 2004 [22]; Ricento, 2006 [32]; Albury, 2015 [21]). Российские ученые в большей степени ориентированы на этнопсихологическую оценку фактора языка и потому используют подход, заключающийся не в ограничении запретов, а в стимулировании развития национально-языкового мышления (Нещименко, 2006 [27]; Трошина, 2015 [28]; Яковлева, 2017 [30]). Это осуществляется за счет введения таких билингвальных (и мультилингвальных) моделей, которые бы обеспечивали возможность естественного параллельного развития взаимодействующих языков. По мнению В.Ю. Михальченко, «языковое разнообразие вызвано наличием множества этносов, в той или иной степени культивирующих родную культуру и язык и составляющих языковую общность определенного языка» [29, с. 14], то есть языковая ситуация в значительной степени детерминируется устройством государства.

Реальная языковая политика в этом смысле представляется гораздо более широким явлением, нежели официальная политика, поскольку в нее оказываются вовлечены многочисленные субъекты, контексты, процессы, интерпретации. Важным в этом отношении становится функционирование общественных (как российских, так и международных) организаций, привлеченных к сохранению языковой среды (McEntee-Atalianis, 2016; 2017 [14; 15]; McEntee-Atalianis & Vessey, 2020 [16]; Garrido, 2020 [17]; Zhao et al., 2022 [18]). К ним относятся, например, европейские структуры – Совет по языковой политике, функционирующий в рамках Совета Европы, Европейский центр современных языков (ECML); российские структуры – Комитет Государственной Думы по делам национальностей, Совет по русскому языку при Президенте РФ, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям при Институте языкознания РАН, Федеральный институт родных языков народов Российской Федерации; американские и канадские структуры – Национальная комиссия по поощрению двуязычия и мультикультурализма (NCPBM), Королевская комиссия по двуязычию и бикультурализму (Bi and Bi Commission; Laurendeau-Dunton Commiss); азиатские структуры, базирующиеся в Китае, – Центральный институт национальностей, Институт языков национальных меньшинств Китайской академии наук, Институт Центральной Азии Синьцзянской академии общественных наук, Центр исследований Центральной Азии, Институт Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук. В Китае, кстати, крайне внимательно относятся к проблеме формирования сбалансированной языковой политики и развития речевой среды как внутри самой страны, являющейся мультинациональной, так и в странах «зоны интересов». Го Лицзюнь в статье «Китайские исследования по языковой политике в условиях реализации инициативы “Один пояс, один путь”» отмечает: «Китайские ученые в последние годы особенно активно обращаются к изучению языковой политики стран тех регионов, которые находятся в сфере интересов Китая при реализации проекта “Один пояс, один путь”, в частности стран, объединенных общим историческим прошлым в составе Советского Союза и получивших самостоятельность после его распада» [33, с. 32].

Директивные документы и ресурсы, которые разрабатывают эти организации в отношении родного языка, а также вторых и иностранных языков, в отношении языков школьного обучения, разработка учебных программ для поощрения многоязычного и межкультурного образования крайне важны и входят в структуру языковой политики государств.

МЕТОДЫ

Поскольку исследование в большей степени направлено на теоретическое осмысление обозначенной проблемы, в качестве ведущих выступают аналитические методы (связанные с дифференциацией, классификацией, структурированием процессов и явлений), как-то: 1) многовекторный анализ актуальной научной литературы, касающейся связи языковой среды и языковой политики государств, влияния политической ситуации на языковую среду и языковую политику; 2) анализ деятельности общественных организаций для оценки их влияния на формирование языковой среды того или иного общества; 3) анализ статистических данных, оценивающий степень влияния миграционных процессов на языковую среду.

Практическую часть исследования формируют данные опроса иностранных студентов (из стран дальнего зарубежья и СНГ), обучающихся в московских вузах (РГУ им. А.Н. Косыгина, МПГУ). Данные позволяют определить степень интегрированности иностранного контингента вузов в русскую языковую среду и оценить особенности ее восприятия иностранцами. Структура опросника достаточно стандартна: он включает 60 вопросов закрытого и открытого типа, объединенных в три блока. Первый блок оценивает общее состояние русской языковой среды через призму иной культуры. Второй блок отображает мнение иностранцев о связи языковой среды и языковой культуры носителя языка. Третий блок, содержащий открытые вопросы, показывает русскую речевую среду в сопоставлении с естественной речевой средой иностранного студента. Фрагмент опросника приведен в Таблице 1, куда включены вопросы из разных блоков, нумерация вопросов автономная. В инструкции студентам предлагается выбрать вариант ответа в соответствии с предъявленной пятибалльной шкалой Ликерта (Likert scale): а – никогда; b – редко; с – иногда; d – часто; e – всегда.

Таблица 1 – Опросник «Языковая политика и языковая среда» (фрагмент)

№	Вопросы	Варианты ответа
1.	Во время жизни в России я стараюсь не говорить на родном языке.	A B C D E
2.	Когда я говорю на родном языке, окружающие реагируют на меня негативно.	A B C D E
3.	Я замечаю, что окружающие негативно реагируют на людей, говорящих на другом языке.	A B C D E
4.	Когда я говорю по-русски, окружающие относятся ко мне более вежливо.	A B C D E
5.	При общении с русскоязычными коллегами я испытываю дискомфорт.	A B C D E
6.	Мне тяжело разговаривать с носителями русского языка в общественных местах, так как я не чувствую в них желания общаться.	A B C D E
7.	Навигация в российских городах не адаптирована для передвижения иностранца.	A B C D E
8.	Российские официальные структуры не ориентированы на работу с иностранцем.	A B C D E
9.	Мне трудно самостоятельно оформлять документы в российских организациях.	A B C D E
10.	Иностранцу трудно адаптироваться в российском обществе.	A B C D E
11.	Мои культурные привычки мешают мне чувствовать себя комфортно в российском обществе.	A B C D E
12.	Мне тяжело понимать культурные традиции россиян.	A B C D E
13.	Моё отношение к русскому языку сильно изменилось за последний год.	
14.	При общении с соотечественниками, проживающими за пределами России, мы не говорим о политике.	A B C D E
15.	Моих соотечественников удивляет мой интерес к русскому языку.	A B C D E

Анализ результатов экспериментальной части исследования помог подтвердить наши предположения о том, что языковая среда сегодня является инструментом социализации личности, а грамотная языковая политика обеспечивает такие ее характеристики, как адаптивность и мобильность, актуальные для «культурного экспата».

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Современную ситуацию, в которой формируется языковая среда многих стран, можно охарактеризовать словами Г.П. Нешименко, которая пишет о том, что основными ее чертами являются «...ярко выраженная динамичность, с одной стороны, и несомненная противоречивость – с другой» [27, с. 38]. Причину повышенной динамичности языковой ситуации, по мнению автора, во многом обуславливают «экстралингвистические факторы и прежде всего огромные достижения научно-технического прогресса» [27, с. 38], а противоречивость связана

с большим количеством взаимоисключающих тенденций, появляющихся и прогрессирующих в мире в том числе из-за высокой скорости распространения информации. Подобное сочетание, по мнению ученого, «не может не служить источником напряженности как внутриэтнической, так и межэтнической языковой ситуации» [27, с. 38], но они же «делают возможным транснациональное общение, которое, в свою очередь, поддерживается адаптацией языковых средств к новой ситуации» [28, с. 6]. Для реализации такого общения языковая политика должна быть успешной и бесконфликтной, а языковая среда – сбалансированной, чего на данный момент, к сожалению, не наблюдается.

В последнее десятилетие на постсоветском пространстве значительно усилились две разнонаправленные тенденции в процессах распространения русского языка в мире, его роли в межнациональном общении и, говоря шире, изменилась атмосфера общего отношения к нему. Эти тенденции зародились еще тридцать лет назад и были следствием распада СССР, крушением мировой системы социализма и начавшихся в России либеральных реформ.

Первая тенденция, которую можно условно назвать «центробежной», связана с радикальным изменением геополитической обстановки и состоит в утрате русским языком роли средства межнационального общения в республиках бывшего СССР и странах соцлагеря. Его обязательное изучение было отменено, и поколение, родившееся в 90-е годы, его уже не знало. Эти изменения инициировались на официальном, государственном уровне. Приведем мнение социолога А.Д. Швейцера, который, оценивая связь языковой политики и языковой среды, пишет, в частности, следующее: «...языковая политика всегда является органической частью того или иного политического курса – будь то внутренняя политика по отношению к тем или иным классам или социальным группам в национально-гомогенном государстве или внешняя политика в отношении тех или иных стран или групп стран <...> в многонациональном государстве» [34, с. 148].

«Негативные послылы», которые направляются сейчас в адрес нашей страны, отражаются как на функционировании русскоязычных ресурсов в конкретных странах, так и на восприятии русского языка и русской культуры гражданами. В результате в среде родного языка возникают своего рода культурно-языковые лакуны, которые нечем заполнить взамен утраченного «русского компонента», а искусственное сдерживание естественных процессов культурно-языкового обмена приводит лишь к выхолащиванию, обеднению языковой среды страны, вводящей рестриктивный режим. Странным представляется запрет на творчество русских писателей, употребление слов, связанных с русскими культурными традициями, русской терминологии, касающейся «узких» областей науки. Ставшие вдруг табуированными российские реалии не просто исключаются из общественной жизни, они теряют свое вербальное воплощение в национальных языках и духовное содержание – в сознании носителей этих языков. По мнению Э.Б. Яковлевой, «утрата исторической памяти дорого обходится не только русскоязычному населению, но и представителям титульных наций. Незнание своей истории приводит к обеднению национальной культуры и в конечном счете отрицательно сказывается на воспитании молодого поколения. Тем не менее следует отметить, что русский язык до сих пор остается в бывших советских республиках языком межнационального общения» [30, с. 170]. Это позволяет говорить о важности мероприятий компенсирующего характера, позволяющих воздействовать на языковую среду и использовать ее как инструмент мягкой силы в работе с иностранным контингентом вуза.

Вторая, «центростремительная», тенденция является результатом, как уже было сказано, либеральных реформ в постсоветской России и связана с процессами, происходящими на уровне «низовом», частном. После падения «железного занавеса» Россия стала открытой для мира страной. Ее бизнес начал активно интегрироваться в мировую систему хозяйствования, активизировались диалоги культур, российские граждане стали активно ездить за рубеж. В результате русский язык зазвучал в самых разных странах мира, в которых возникла потребность в овладении им для успешного ведения бизнеса, эффективного взаимодействия с жителями нашей страны на самых разных уровнях. Российские университеты наполнились ино-

странными студентами, изучающими русский язык. Вместе с тем возник широкий поток трудовой миграции в Россию из стран бывшего СССР, для которых знание языка стало необходимым условием трудоустройства.

С началом специальной военной операции (СВО) в феврале 2022 года обе эти тенденции активизировались, приобретя новые «импульсы развития».

«Центробежная» усилилась многократно, дойдя в странах Запада практически до абсолютных величин. Россия в очередной раз была объявлена «империей зла» и всё, имеющее отношение к ее культуре, было подвергнуто жесткому бойкоту. Прекращается издание российской литературы, отменяются концерты русских композиторов. И на острие этой политики оказалась борьба с русским языком, который был объявлен токсичным активом. Запрещается преподавание на нём, в наиболее радикально настроенных государствах предусмотрены штрафы за его использование.

«Центростремительная» также сохранилась, хотя и сильно модифицировалась, возникла ее новая и неожиданная форма. Деловые и культурные связи России со странами Запада сегодня стремятся к нулю, и здесь русский язык практически перестает играть сколько-нибудь значимую роль. Однако в последние месяцы в огромных масштабах выросла волна русскоязычной эмиграции в страны ближнего и дальнего зарубежья. Сотни тысяч человек в иноязычной среде общаются на русском языке, приобретающем в этой связи особую ценность. Кроме того, не вызывает сомнения, что между иммигрантами, значительную часть которых составляет молодежь, и представителями местного населения будет заключено немало браков. Дети, рожденные в таких браках, обычно владеют языками обоих родителей, то есть билингвистичны. И через таких детей русский язык будет проникать в культуру других народов.

Чего же ждать в будущем от сложившейся на сегодняшний день в мире ситуации с распространением русского языка?

Думается, что тенденция его агрессивного отрицания будет затухать и со временем сойдет на нет. История показывает, что острая фаза любого межгосударственного конфликта рано или поздно проходит, ожесточение противостояния смягчается, и на смену радикализму приходит прагматизм. Наступает время восстановления отношений, выстраивания нарушенных связей. И русский язык перестанет быть «изгоем» и вновь обретет свою достойную роль.

Что же касается второй тенденции, то здесь ожидания менее оптимистичны. Как показывает опыт предыдущих волн российской эмиграции, ее участники, если не возвращаются на родину, понемногу ассимилируются, и их потомки через два поколения уже утрачивают связь со своей культурой, не знают русского языка, русскоязычная языковая среда не поддерживается ни на политическом, ни на культурологическом уровне (такова ситуация в Польше, Румынии, странах Прибалтики и др.). Учитывая массовый характер современного этапа эмиграции русскоязычного населения, эта ситуация для ближайшего десятилетия представляется нам близкой к трагедии: взрослые, определившиеся в родной языковой среде люди, оказываются фактически выброшенными из нее.

Приведем мнение западного социолога Дж. Фишмана, который негативно оценивает последствия размывания национальной языковой среды, считая, что «народы, утратившие свой исторический язык и традиционно связанную с ним этнокультуру, испытывают на себе мучительный опыт пребывания “между жизнью и смертью”» [35, с. 136]. Такие народы, пишет автор, «утрачивают свои сложившиеся представления о нравственности, добродетельной жизни, преемственности поколений, значимости прошлого, настоящего и будущего, заслуженного места в более важном замысле» [35, с. 136]. Фактически это то, что мы можем наблюдать в настоящее время.

Ситуация, в которой сейчас оказывается Россия, хотя и сильно бьет по национальному статусу страны, не может нивелировать роль России на международном рынке образовательных услуг. Интерес к российскому образованию, русскому языку, культуре сохраняется, о чем, в частности, свидетельствует проведенный нами опрос. Русская языковая среда оказывается благоприятной для иностранца, и такие ее компоненты, как социокультурное пространство,

окружение, условия, люди, не являются антагонистически противопоставленными по отношению к родной среде иностранца. Так, негативное отношение при общении на родном языке в присутствии русскоязычных незнакомых людей почувствовало 12% опрошенных, а в присутствии русскоязычных коллег – менее 2%. На сложность в принятии правил и культурных традиций российского общества указало около 24% опрошенных. Для большинства опрошенных иностранных студентов (72%) родная культура не стала препятствием для освоения новой культуры. На отсутствие изменения отношения к русскому языку и русской культуре в худшую сторону указало 98% опрошенных.

По нашему мнению, эти результаты – показатель сбалансированной языковой политики в нашем обществе, обеспечивающей гуманистическую направленность русской языковой среды.

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на дополнительные ограничения, вводимые в странах в связи с «поведением» России на мировой арене, интерес к российскому образованию сохраняется, однако его продвижение в мире представляется весьма затруднительным. И, несмотря на все трудности современного этапа, история подтверждает нашу уверенность в том, что русский язык всегда будет востребованным в мире. Это объясняется не только экономико-политическим статусом России, но и ее высоким культурно-гуманистическим потенциалом. В связи с этим одним из важных направлений сегодня становится выстраивание общего международного образовательного пространства, связанного с производственными и культурными объектами. Есть страны, которые видят развитие своего потенциала в укреплении сотрудничества с нашей страной в образовательной и научной сферах, и российским ученым нужно делать все возможное для укрепления этих связей, продвижения русского языка как средства межнационального общения на постсоветском пространстве. По мнению Л.П. Крысина, «языковеды не вправе проходить мимо тех проблем, которые являются актуальными не только в собственно лингвистическом, но и в социальном смысле (а в том, что овладение и владение русским языком как средством межнационального общения является насущной социальной задачей, сомневаться не приходится)» [36, с. 404]. В этом случае совместные образовательные программы становятся не только способом интеграции научных знаний, но и формой организации лингводидактической языковой среды. Осваивая такую образовательную программу, студент может получить опыт взаимодействия в мультиязычной и поликультурной среде. Ценность специалиста, прошедшего обучение в разных странах и имеющего два или больше дипломов, на международном рынке труда существенно возрастает. И языковая среда в этом смысле является драйвером профессионального развития иностранного специалиста.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арефьев А.Л. Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации. Статистический сборник. Вып. 17. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. 180 с.
2. Похолков Ю.П., Горянова Л.Н. Языковая среда: от понятия к принципам создания // Высшее образование в России. 2022. № 31(7). С. 123–136. Doi:10.31992/0869-3617-2022-31-7-123-136.
3. Гришаева Е.Б. Современные парадигмы языковой политики в условиях полиэтничного и мультикультурного пространства // Вестник Московского университета. 2015. № 4. С. 143–159.
4. Ricento T.K., Hornberger N.H. Unpeeling the onion: language planning and policy and the ELT professional. *TESOL Quarterly*, 1996, 30(3), pp. 401–427.
5. Hornberger N.H., Johnson D.C. Slicing the Onion Ethnographically: Layers and Spaces in Multilingual Language Education Policy and Practice. *TESOL Quarterly*, 2007, 41(3), pp. 509–532. Doi:10.1002/j.1545-7249.2007.tb00083.x.
6. Spotti M., Kroon S., Li J. New speakers of new and old languages: an investigation into the gap between language practices and language policy. *Lang Policy*. 2019, no. 18(4), pp. 535–551.
7. McQuillan J., Tse L. Child language brokering in linguistic minority communities: effects on cultural interaction, cognition and literacy. *Lang Educ*. 1995, no. 9(3), pp. 195–215.

8. Morales A., Hanson W. E. Language brokering: an integrative review of the literature. *Hisp. J. Behav. Sci.* 2005, no. 27(4), pp. 471–503.
9. Pozdnyakova A., Nikitaeva E., Zotov V., Kuznetsova G., Morozova L. Managing the Labor Adaptation Process of Foreign Graduates of Russian Universities. Operations and Project management: strategies and trends. II International Scientific and Practical Conference. Springer, Lecture Notes in Networks and Systems series. 2022, no. 380, p. 17. Doi:10.1007/978-3-030-94245-8_17.
10. Gonçalves K., Schluter A. “Please do not leave any notes for the cleaning lady, as many do not speak English fluently”: policy, power, and language brokering in a multilingual workplace. *Lang. Policy.* 2017, no. 16(3), pp. 241–265.
11. Kraft K. Language policies and linguistic competence: new speakers in the Norwegian construction industry. *Lang. Policy.* 2019, no. 18(4), pp. 573–591.
12. Kraft K. Trajectory of a language broker: between privilege and precarity. *Int. J. Multiling.* 2020, no. 17(1), pp. 80–96.
13. Pozdnyakova A.A., Markova E.M., Kolyadina T.E., Zotov V.V., Kalita M.E. Analyzing social expectations of foreign graduates of Russian universities. Conference Proceedings: Managerial Sciences in the Modern World. EurAsian Scientific Editions SA, Geneva, Switzerland / EurAsian Scientific Editions OÜ, Tallinn, Estonia. 2022, pp. 216–222.
14. McEntee-Atalianis L.J. A network model of language policy and planning: the United Nations as a case study. *Language Problems & Language Planning.* 2016, no. 40 (2), pp. 187–217.
15. McEntee-Atalianis L.J. “Leave no one behind”: linguistic and digital barriers to the dissemination and implementation of the United Nations Sustainable Development Goals. *Language Problems & Language Planning.* 2017, no. 41(3), pp. 217–244.
16. McEntee-Atalianis L.J., Vessey R. Mapping the language ideologies of organisational members: a corpus linguistic investigation of the United Nations’ General Debates (1970–2016). *Lang. Policy.* 2020, no. 19(4), pp. 549–573. Doi:10.1007/s10993-020-09542-4.
17. Garrido M.R. Language investment in the trajectories of mobile, multilingual humanitarian workers. *Int. J. Multiling.* 2020, no. 17(1), pp. 62–79.
18. Zhao Y., Zhao R., Liu Y. An ethnographic study of multilingual language policy localization with a focus on the resolution of communication problems in international Non-governmental Organizations (INGOs). *Humanities and Social Sciences Communications.* 2022, no. 9 (1), p. 349. Doi:10.1057/s41599-022-01361-8.
19. Позднякова А.А. Проблемы языка в аспекте глобализации. *Преподаватель XXI век.* 2011, № 2(2). С. 277–283.
20. Blommaert J., Spotti M. Bilingualism, multilingualism, globalization and superdiversity: toward sociolinguistic repertoires. In: Garcia O., Flores N., Spotti M. (eds.), *The Oxford handbook of language and society.* Oxford University Press, New York. 2017, pp. 161–178.
21. Albury N.J. National language policy theory: exploring Spolsky’s model in the case of Iceland. *Language Policy.* 2015, no. 15(4), pp. 355–372. Doi:10.1007/S10993-015-9357-Z
22. Spolsky B. *Language policy.* Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 250 p.
23. Spolsky B. *Towards a Theory of Language Policy.* Working Papers in Educational Linguistics. 2007, no. 22(1), pp. 1–14.
24. Harzing A.W., Pudelko M. Language competencies, policies and practices in multinational corporations: a comprehensive review and comparison of Anglophone, Asian, Continental European and Nordic MNCs. *J. World Bus.* 2013, no. 48(1), pp. 87–97.
25. Brannen M.Y., Piekari R., Tietze S. The multifaceted role of language in international business: unpacking the forms, functions and features of a critical challenge to MNC theory and performance. In: Brannen M. Y., Mughan T. (eds.), *Language in International Business.* JIBS Special Collections. Palgrave Macmillan, Cham. 2017 (pp. 139–163).

26. Phillipson R. English-only Europe? Challenging language policy. London: Routledge, 2003. 256 p.
27. Нецименко Г.П. К рассмотрению динамики языковой ситуации через призму процессов интеграции и дифференциации. Глобализация – этнизация: Этнокультурные и языковые процессы. М., 2006. № 1. С. 38–69.
28. Трошина Н.Н. Введение. Языковая ситуация в Европе в эпоху глобализации. Языковая ситуация в Европе начала XXI века: Сб. обзоров. М.: ИНИОН, 2015. С. 5–13.
29. Михальченко В.Ю. Языковая ситуация и языковая политика в современной России. Языковая ситуация в Европе начала XXI века: Сб. обзоров. М.: ИНИОН, 2015. С. 14–32.
30. Яковлева Э.Б. Миграции: Гипотетический взгляд на языковое будущее современной Европы. Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. М.: ИНИОН, 2017. № 28–29. С. 161–172.
31. Цирлина Л.И. Глобализация и лингвистика: вавилонское столпотворение или «язык-киллер»? Профессионалы за сотрудничество. 2004. URL: http://www.prof.msu.ru/-publ/book6/c62_04.htm (дата обращения: 25.05.2023).
32. Ricento T. Language policy: theory and practice an introduction. In: T. Ricento (Ed.), An introduction to language policy: Theory and method. Malden: Blackwell, 2006 (pp. 10–23).
33. Го Л. Китайские исследования по языковой политике в условиях реализации инициативы «Один пояс, один путь». Научный диалог. 2019. № 1. С. 25–35. Doi:10.24224/2227-1295-2019-1-25-35.
34. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы. М.: Наука, 2012. 176 с.
35. Фишман Дж. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: Связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни: Пер. с англ. М.: Логос, 2005. № 4 (49). С. 132–140.
36. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

CURRENT LANGUAGE POLICY AND LANGUAGE ENVIRONMENT

Pozdnyakova A.A., Kuznetsova G.V.

The Kosygin State University of Russia

ABSTRACT

The development of a language environment does not occur spontaneously. It is influenced by a number of factors, including the state's policies implemented in all spheres of public life. In every country with ethnic and linguistic diversity, the state's policy serves as a tool for societal consolidation on one hand, and lobbying for interests related to national and ethnic security on the other hand. The influence of political factors on the language situation is not constant; it depends on the goals set by society at a specific stage and reflects the directions of its historical development. Given the challenging situation currently faced by the Russian language, it is important to take all measures to preserve the Russian language environment as a fundamental societal value. The education system, as an instrument for transmitting the cultural-historical experience of the Russian people, plays a significant role in addressing this task. The involvement of foreign students in the Russian education system is highly relevant in the current situation and can only be achieved through the integration of foreign students into the Russian-speaking educational environment.

KEYWORDS

language environment, political context, adaptation, foreign students.